

СОЦИОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

УДК 316.33:001

А.А. Быков**БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ
ФЕНОМЕН: ГЕНЕЗИС ИДЕЙ И ПРАКТИК***

Исследуется благотворительность как социокультурный феномен. Рассматриваются базовые основания благотворительности, сформулированные в трудах античных авторов Марка Туллия Цицерона и Луция Аннея Сенеки. Автор анализирует генезис идей в области благотворения в христианстве, в трудах философов эпохи Просвещения, мыслителей XIX в. Сравниваются общее и особенное в западной и восточной ветвях христианства в области благотворения. Параллельно рассматриваются изменения в практиках благотворительности.

Ключевые слова: *благотворительность, античность, христианство, практики.*

Благотворительность как духовная и практически ориентированная ценность изначально присуща христианской цивилизации. «Благотворительность выражается в материальной помощи нуждающимся, лечении бедных больных, воспитании сирот и беспризорных детей и призрении дряхлых, увечных и неспособных к труду. Различают благотворительность частную и благотворительность общественную» [1. С. 112]. Наиболее родственные понятия – милосердие, жалость, альтруизм. В английском языке родственное русской благотворительности слово *charity* от греческого «харита» – жалость, доброта.

Благотворительность всегда отражала как уровень социально-экономического развития общества, так и состояние его нравственности, его цивилизационную зрелость.

Благотворительность как социокультурный феномен прошла достаточно долгий путь институционального оформления и расширения семантического поля. В качестве предпосылок институционализации данного явления следует отметить формирование определенных общественных потребностей в ходе исторического развития в новых типах социальной действительности и соответствующих им политических и социально-экономических условий. Этот процесс сопровождался генезисом необходимых организационных структур, а также связанных с ними ценностных стандартов и социальных норм.

Уже в Греции и Риме возникновение и развитие различных видов благотворительности привело к рефлексии по поводу этого социального феномена. Платон подвел оригинальные философские обоснования для благотвори-

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Ребенок в изменяющейся России XX века: образы детства, повседневные практики, «детские тексты», проект № и-01-00-345а».

тельной деятельности. Он писал: «...вещам самым подобным между собой крайне необходимо исполняться ненавистью либо прением и враждою, а самым неподобным – дружбою; потому что бедному необходимо быть другом богатого, слабому – другом сильного, ради попечения, больному – другом врача, и вообще – таки – незнающему необходимо любить знающих и дружить с ним» [2. С. 253–254].

Римский политик и философ Марк Туллий Цицерон выделил два вида помощи – делами и деньгами и, предвосхищая исихастскую парадигму в православии, пишет, что «более легок второй способ, особенно состоятельного человека, но первый более прекрасен, более блистателен и более достоин храброго и прославленного мужа» [3. С. 255].

Однако, по мнению Цицерона, необходимо исходить из некоторых основ справедливости: «Подобает ссылаться на те основы справедливости, какие я установил в начале: во-первых, никому не причинять вреда; во-вторых, служить общей пользе» [3. С. 144].

Размышляя о благотворительности и щедрости, Цицерон считал, что они «наиболее свойственны натуре человека, но со многими оговорками. Прежде всего, надо остерегаться, чтобы эта доброта не вредила именно тем людям, которым, как нам кажется, мы делаем добро, а также и другим людям; затем – чтобы доброта не превышала наших возможностей; далее надо стараться воздавать каждому по его заслугам; это основа справедливости, к ней и надо относить все эти рассуждения. Ибо тех, кто оказывает людям милость, которая может повредить тому, кому, по-видимому, хотят принести пользу, надо признать не благотворителями и не щедрыми людьми, а несущими погибель потворщиками» [3. С.152].

Творение блага с помощью добрых дел приводит к двум позитивным последствиям: вовлечение новых помощников, у которых аналогичный *modus agendi*, приобретение опыта в благодеяниях.

Тем не менее Цицерон неоднократно указывает и на негативные последствия, в частности денежной помощи. Царь Македонии Филипп относился к раздаче денег как к подкупу: «Ведь тот, кто получает, что бы то ни было, становится более дурным человеком и всегда готов рассчитывать на такие же подачки» [3. С. 256]. Очевидно, царь Филипп был не одинок в таком своем отношении к бедным. Для таких, как он, благотворительность всего лишь инструмент политики.

Римский автор выделяет еще два рода людей, склонных раздавать, т.е. помогать или развлекать: одни – расточительные, другие – щедрые. Каждый из них, исходя из своих ценностно-нормативных интенций, предпочитает вполне определенные виды «раздачи». «Расточительные – это те, кто проматывает свое состояние на пирушки, на раздачу мяса, на бои гладиаторов, на игры и на травлю диких зверей – на все то, память о чем они оставят недолгую или вообще не оставят никакой; щедрые, напротив, – это те, кто на свои средства выкупает пленных у морских разбойников, берут на себя долги друзей, помогают им при выдаче дочерей замуж и поддерживают друзей при приобретении ими имущества или при преумножении его» [3. С. 257].

Выделяя виды благотворительности, Цицерон не мог обойти вопрос о мотивации благотворителей. Данная проблема является «сквозной» и дискутируется уже более двух тысяч лет: от Энния до современных российских историков. Помимо положительных мотивов – делать добро, помогать близким из альтруистических побуждений, – всегда существовали не очень этические мотивы. О них и пишет римский автор. Это жажда «блистательности и славы», «склонность к хвастовству» [3. С. 152–153].

В отличие от ранних христианских авторов, Цицерон выступал против «слепой» недифференцированной помощи: «Доброта должна быть более склонной помогать людям, которых постигла беда, – если только они не заслужат этой беды». Необходимо выбирать подходящих людей, судить здраво и быть внимательным.

Более ранний римский ученый Энний дал очень четкую установку: «Дела благие, но направленные дурно, я сочту дурными. Благодетель должен быть разборчивым в своих благодеяниях, а, в свою очередь, получатель благ должен быть благодарным. Ведь человека, не помнящего оказанных ему благодеяний, все ненавидят...» [3. С. 261–262].

Другой римский философ-стоик, Луций Анней Сенека, уже в имперскую эпоху уделяет внимание некоторым этическим ограничениям благотворительности: «Благодеяние принимается с таким же чувством, с каким оказывается, посему не следует оказывать его с пренебрежением... В особенности благодеяние не должно быть оскорбительным» [4. С. 15]. То есть Сенека считал, что взаимоотношения благотворителя и благополучателя должны быть равными и уважительными. Он, так же как и Цицерон, выступал против благодеяний «ради собственной пользы и выгоды, тщеславия: и требование не делать благодеяния ради пользы – простирается до такой степени, что часто, как я говорил, его должно бывает делать с убытком и опасностью» [4. С. 83].

О глубинной зависимости между благодеяниями и личностью благотворителя, его духовным миром и ценностными ориентациями рассуждает Эпиктет: «Если бы Бог поручил тебе призреть сироту, ты ведь позаботился бы предохранить его от вреда? Так же точно Бог подарил тебе призреть самого себя и как бы сказал тебе: «Убереги ты этого человека в том чистом образе, в котором Я произвел его на свет. Он родился честным, верным, бесстрашным и с чистой душой. Сохрани же его в целостности...» [4. С. 251].

Однако греческие и римские философы, общественные деятели не только рассуждали о различных аспектах благодеяний, но, похоже, первыми придерживались известной духовно-практической установки – «вера без дела мертва», которая впоследствии вошла в «плоть и кровь» христианства.

В Риме и в других больших городах многочисленные толпы нищих сидели на уличных перекрестках, мостах, при дворах храмов и вообще везде, где только имело место оживленное движение народа. Выпрашивая мелкие монеты у проходящих, они сопровождали подаяния благожеланием нищелюбцу.

Отмечены крупные, но разовые благотворительные акции. Так, когда при Нероне подвергся разрушению огромный амфитеатр в Фиденях и похоронил под своими развалинами до 50 тыс. человек, то знатные римляне поспешили отправить на место несчастья докторов с медикаментами и многих раненых

приютили в своих домах. Милостыня, кормление бедных, организация зрелищ, строительство бань, театров, водопроводов, первые попечительства о нуждающихся – все эти формы появились в античную эпоху.

Таким образом, в древней Греции и Риме были заложены нравственные основы благотворительности, принципы и базовые формы, отрефлексированы мотивы и некоторые ограничения в области благодеяний. Европейская цивилизация и многие другие христианские страны до сих пор используют это богатейшее наследие античного мира.

В рамках античной цивилизации в I в. н.э. зарождается христианство, которое было официально признано в Римской империи в IV в. В священных писаниях христиан, в Евангелиях есть много установок и обоснований благих дел. «У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была в тайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно» [5. С. 13]. Иисус сказал ему /юноше/, если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах, и приходи и следуй за мною» [5. С. 33]. Благотворительность у христиан на ранних этапах эволюции религии превратилась в одну из главных форм деятельности. В церковном языке появилось слово *caritabilis* (благотворительность). В латыни классической не было такого понятия. Сенека использовал слово *benefecisse* – благотворительность. В молитве «Отче наш» говорится о прощении долгов (*debita*). Тертуллиан заменил это слово на «прощение грехов», но затем правда была восстановлена. Благотворительность становится одной из базовых духовных и практических ценностей, а милостыня обретает сакральный характер. По мнению С.В. Сперанского, «подавание милостыни есть, таким образом, прежде всего религиозный акт, сопровождаемый молитвой или во всяком случае крестным знаменем. На религиозный характер этого акта указывает само время и место, где он совершается. Нищие собираются чаще всего у церкви, у часовен, на кладбищах, наиболее щедрая милостыня подается в большие праздники, во время говения или по случаю похорон, свадьбы, крестин и т.д. Раздача милостыни есть как бы дополнительный акт к богослужению церковному» [6. С. 3].

Впрочем, ранние христиане, следуя установкам Евангелия, увлекались «слепой» раздачей милостыни, помощью всем просящим. Лукиан Самосатский по этому поводу не без иронии писал: «...Так вот когда к ним приходит обманщик, мастер своего дела, умеющий использовать обстоятельства, – он скоро делается весьма богатым, издеваясь над простецами» [7. С. 297].

В более позднее время милостыня во многом утратила религиозный смысл и превратилась, скорее, в светскую форму поддержки нуждающихся (милостыня на улицах, вокзалах, в поездах и т.д.)

Помимо милостыни, христиане использовали и более масштабные формы поддержки бедных. Первый пример массовой христианской благотворительности – помощь голодающим в Палестине из Антиохии, Греции и Македонии в I в. н.э. В IV в. в Римской империи создаются богоугодные заведения. Однако милостыня остается главным видом благотворительности. Так,

Иоанн Златоуст писал: «Всякий раз, когда мы не будем совершать милостыню, мы будем наказаны как грабители» [8. С. 56].

Однако меняются эпохи, социально-экономические основания цивилизации, возникают и новые ментальные установки во всех сферах. Все это приводит к соответствующим изменениям и в области благотворительности. Мир начиная с XVII в. постепенно втягивается в новую систему социальных отношений, которая приходит на место традиционных патриархальных структур.

Церковь утрачивает роль главного идеолога и субъекта благотворительной деятельности, но стремительно растет количество бродяг, нищих, просто бедных рабочих, крестьян, ремесленников, с которыми она раньше и работала.

Начинается и переосмысление феномена благотворительности как духовной и практической ценности. Суждения приобретают более резкий характер, чувствуется влияние атеизма и враждебность по отношению к церкви. Эти интенции содержатся в трудах Ж. Мелье, П. Гольбаха, Б. Мандевиля и других авторов. Б. Мандевиль писал: «Если благотворительность слишком велика, она обычно способствует развитию праздности и лени и приводит лишь к тому, что в государстве разводятся трутни и губится трудолюбие» [9. С. 242].

Джон Стюарт Милль пытается рационализировать благотворительную деятельность и ставит вопрос: «Каким образом предоставить максимальный объем необходимой помощи, в минимальной степени поощряя людей к тому, чтобы они не слишком полагались на нее» [10. С. 372]. Он считал желательным, чтобы обеспечение средств к существованию для неимущих, но способных к труду людей скорее зависело от закона, чем от частной благотворительности.

Локк, другой английский общественный деятель, считал, что конечная цель филантропии – обеспечение полной независимости личности и ее семьи, их социальное здоровье. Таким образом, помогать необходимо, прежде всего, тем людям, которые отличаются хорошим поведением и способны «стать на ноги» [11. С. 10].

В России благотворительность как ценность понималась иначе, чем в католических и протестантских странах (между ними также есть отличия). Определенный интерес представляют суждения известного русского историка В.О. Ключевского: «Благотворительность не столько средство общественного благоустройства, сколько необходимое условие личного нравственного здоровья. Она была больше нужна нищелюбцу. Нищий был для благотворителя лучший богомolec, молитвенный ходатай, душевный благодетель». «В рай входят святой милостыней», – говорили в старину, – «нищий богатым питается, а богатый нищего молитвой спасается». Нищенство не являлось на Руси ни экономическим бременем для народа, ни язвой порядка, а одним из главных средств нравственного воспитания народа, состоящим при церкви институтом благонравия [12. С. 12]. Так считали многие. Подобное несколько идеализированное восприятие благотворительности помогает понять, почему все меры борьбы с нищенством в России оказались неэффективными вплоть до 1917 г.

Тем не менее не следует увлекаться противопоставлением западной и восточной ветвей христианства в области благотворения. Есть особенное, но всегда существовало и общее. Анализ исторических фактов позволяет делать выводы о некоторых темпоральных совпадениях в эволюции данного социокультурного феномена. Так, Лютер критиковал современную ему благотворительную деятельность в Германии, но и в России в том же XVI в. также появилась критика в адрес церковной благотворительности, и высказал ее вполне официально никто иной, как царь Иван IV Грозный на Стоглавом соборе (1551 г.)

В дальнейшем в России, как и на Западе, начинается рационализация благотворения, предпринимаются меры борьбы с нищенством, что отразилось в трудах известных русских деятелей С.К. Гогеля, В. Герье, А. Левенстима, Е. Максимова, А. Раевского, К. Грота и др. Однако основные семантические константы благотворения фактически не изменились со времен Марка Туллия Цицерона и Луция Аннея Сенеки.

Тем не менее благотворительность как духовная и практическая ценность нуждается в изучении после долгих лет «советского забвения». «Археологические раскопки» в этой области помогут лучше понять прошлое и настоящее, без которых нет будущего.

Литература

1. *Иллюстрированный энциклопедический словарь* Ф. Брокгауза и И. Ефрона. М.: ЭКСМО, 2008, 960 с.
2. *Платон*. Сочинения. СПб.: Типография духовн. журн. «Странник», 1863, Ч. 3–4. 470 с.
3. *Марк Туллий Цицерон*. О старости, о дружбе, об обязанностях. М.: Эксмо-Пресс, 1999. 528 с.
4. *Римские стоики*. М.: Республика, 1995, 464 с.
5. *Евангелие от Матфея*. Париж: TAIZE-communaute, 1989. 350 с.
6. *Сперанский С.В.* К категории нищенства в России. СПб.: Типография Киришбаума, 1897. 46 с.
7. *Лукиан Самосатский*. Сочинения: В 2 т. СПб.: Алетейя, 2001. Т. 2. 536 с.
8. *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. СПб.: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1891. 947 с.
9. *Мандевиль Б.* Басня о пчелах. М.: Мысль, 1974. 376 с.
10. *Милль Джон Стюарт*. Основы политической экономии. М.: Прогресс, 1981. Т. 3, 448 с.
11. *Гогель С.К.* Объединение и взаимодействие частной и общественной благотворительности. СПб.: Типография т-ва «Общественная помощь», 1908. 92 с.
12. *Ключевский В.О.* Добрые люди Древней Руси. Сергиев Посад, 1891, 45 с.